

В марте отмечает свой 70-летний юбилей известный российский социолог Никита Евгеньевич Покровский, профессор, доктор социологических наук, заведующий кафедрой общей социологии НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник ФНИСЦ РАН, президент Сообщества профессиональных социологов, многолетний и давний член редколлегии нашего журнала. За плечами Н.Е. Покровского большая творческая биография, отмеченная преподаванием в ведущих российских и зарубежных университетах, работой в международных социологических организациях, полевыми экспедициями на Ближнем Севере России, монографиями и публикациями в ведущих журналах, российскими и международными премиями и научными званиями. Мы попросили ответить Никиту Евгеньевича на вопросы редакции.

СОЦИОЛОГИЯ КАК МНОГООБРАЗИЕ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА (интервью с Н.Е. Покровским)

Аннотация. В форме интервью раскрываются пути формирования социологического мировоззрения видного российского социолога. В тексте переплетаются биографические мотивы и конструируется «здание» социологии на фоне исторических событий последних 50 лет. Основной фокус нарратива сосредоточен на переходе от историко-философского взгляда на мир к научному социологическому анализу с особым акцентом на объективный научный подход к социальной реальности. Рассматриваются вопросы возникновения и трансформации теории глобализации, видоизменения смысла и содержания института высшего образования, эволюция социальной группы интеллигенции (теория «смерти интеллигенции»), проникновение глобализационных процессов в клетки российского общества и формирование новых смыслов пространств России на примере Ближнего Севера, приближающееся исчерпание потенциала мегаполисов и рост дезурбанизационных настроений в обществе. Особое внимание уделяется современному состоянию и перспективам эволюции социологии в России и в мире.

Ключевые слова: история американской социальной философии • трансцендентализм • глобализация • институт высшего образования • интеллигенция • новые смыслы российских пространств • дезурбанизация • социология и перспективы ее эволюции

DOI: 10.31857/S013216250014276-6

С.Ю. Демиденко: Как ваша семья, принадлежавшая к миру культуры и искусства, повлияла на ваше становление как социолога?

Н.Е. Покровский: В профессиональную социологию, в строгом смысле слова, я пришел довольно поздно, в конце 1980-х гг. Оглядываясь назад, вижу, что с ранних лет мои родители, принадлежавшие целиком и полностью миру кино, театра, литературы и изобразительного искусства, стремились воспитывать во мне наблюдательность и заинтересованность в окружающем мире, они развивали во мне самостоятельность и обстоятельность суждений. Мой отец – Евгений Георгиевич Покровский (1922–2002), кинорежиссер и оператор научного кино, лауреат многих премий и обладатель почетных званий. В 1969 г. снимал научно-документальный фильм о Петре Кропоткине, в подборе материалов для сценария по инициативе отца принимал участие и я, что позволило мне прочесть (и полюбить) все основные произведения Кропоткина, а также встретиться с видными специалистами по истории анархизма Н.М. Пирумовой и В.А. Твардовской. Моя мать, Качалова Марианна Владимировна (1925–2013), – весьма значимая фигура на «Мосфильме», редактор, член

художественных коллегий студии и Госкино. И, конечно же, мой отчим, Евгений Иванович Куманьков (1920–2012), – выдающийся кино- и театральный художник, главный художник Малого театра, народный художник России, в семье которого я прожил шестьдесят лет. За семейным столом изо дня в день шел нескончаемый «худсовет», на котором обсуждались самые разные аспекты классической и современной культуры, последние театральные и кинопремьеры, выставки. И политика обсуждалась тоже. Все это глубоко проникало в сознание, формировало интеллектуальные интересы, эстетический вкус. Квартира была наполнена собраниями сочинений классиков, альбомами по искусству «всех времен и народов».

Можно сказать, что я получил семейную искусствоведческую заправку, не столько в формальном отношении (хотя и это тоже), но, прежде всего, в области эстетического вкуса. Неудивительно, что в 1970-е гг., параллельно философской аспирантуре в МГУ, я начал публиковаться с театральными рецензиями, обзорами (под псевдонимом «Н. Качалов») в газетах «Советская культура», «Комсомольская правда», в журнале «Театр». Более того, журнал «Театр» в начале 1980-х даже предложил мне стать заместителем главного редактора (я отказался, не имея сильной внутренней мотивации идти дальше в этом направлении). Можно ли все это рассматривать как преддверие социологии? Быть может, и да. Ведь социология не регламентирует исходные позиции тех, кто в итоге связал с ней свою жизнь.

С.Д.: Что привело вас на философский факультет МГУ? Какие преподаватели оказали на вас наибольшее влияние?

Н.П.: Несмотря на все усилия моего отца сориентировать меня на биологию, географию, отчасти, как утешительный вариант, на археологию, я внутренне созрел для поступления в МГИМО. Дело в том, что в моем классе в 5-й английской спецшколе (ныне школа 1232) на Кутузовском проспекте почти все поступали в МГИМО. Я не проявил стойкости, поддавался общей атмосфере. Долго и фундаментально готовился и прекрасно сдал вступительные экзамены лишь с одной четверкой. Но, увы, этого оказалось недостаточно. Все номенклатурные «дети» получали круглые пятерки. Так была устроена селекция уже в брежневские времена, а мне преподан первый серьезный урок «социальной справедливости». Потерпев абитуриентское фиаско, я находился в состоянии полнейшего разброда и не знал, что делать дальше. И тогда совершенно неожиданно мне позвонила одноклассница и стала убеждать меня поступать на философский факультет МГУ. Помню, она даже привезла мне позаимствованное в родительской библиотеке дореволюционное издание книги Фихте «Назначение человека». Прямо скажем, чтение не для начинающих. Но мне понравилось. Я легко сдал вступительные экзамены и оказался студентом философского факультета МГУ.

Для меня начались счастливые времена. В.Ф. Асмус, А.Ф. Лосев, С.С. Аверинцев, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский... Кто-то из этих великих читал нам огромные годовичные или семестровые курсы (Асмус, Пятигорский, Мамардашвили), кому-то из них я сдавал экзамены, кто-то выступал со спецкурсами и мастер-классами. Но в любом случае это было прикосновение к неведомому, возвышенному, почти сакральному. Я как-то сразу прибил к кафедре истории зарубежной философии. Сегодня вспоминанию всех ее профессоров и преподавателей начала 1970-х гг. Среди них не было случайных людей, это были высочайшие специалисты, масштаб личности которых я чувствовал уже тогда, но в полной мере оценить его могу только сейчас, восстанавливая панораму имен и событий всех последующих лет моей биографии. Образованность, сказочная эрудиция, работа только и только с первоисточниками и текстами, знание древних и современных языков, никакого пустозвонства, все разговоры и обсуждения только в деловом ключе, отношение к студентам как к равным. Вскоре моим научным руководителем стал Ю.К. Мельвиль, заведующий кафедрой и специалист по американскому прагматизму, помимо всего прочего поражавший меня своей интеллектуальностью, интеллигентностью и воспитанностью.

С.Д.: Какими были ваши первые шаги в науке? Что предопределило путь в социологию? Как вы эволюционировали от философии к социологии?

Н.П.: Достаточно быстро я сориентировался в истории философии и нашел свою собственную нишу – историю американской социальной философии, прежде всего XVIII–XIX вв. (ранние философы пуританизма, американские просветители, прежде всего Т. Джефферсон и, конечно, американские трансценденталисты). Но трансценденталисты-романтики Р. Эмерсон и прежде всего Г. Торо, в творчество которых я погрузился, не вызвали энтузиазма со стороны кафедры. Они не входили в базовую программу по истории философии. Посему в качестве диплома мне предписали тему по социальной философии Джона Дьюи. С неохотой я принял за сочинения американского прагматиста, но вскоре втянулся и до дыр зачитал «Демократию и образование» и «Культуру и свободу». В аспирантуре кафедра попыталась еще раз развести меня с Г. Торо («он не философ») и закрепить за мной тему по все тому же Дж. Дьюи. Но, осмелев, я поставил вопрос ребром: либо я пишу диссертацию по Г. Торо, либо вообще ухожу из аспирантуры. Коллеги по кафедре со скрипом смирились, а после моей успешной защиты на кафедре громогласно заявили, что они всегда поддерживали новаторские исследования американского трансцендентализма. (За публикацию моей диссертации в виде книги, которая была позднее издана и на английском языке, я получил в 1985 г. премию Ленинского комсомола в области науки.) Так Г. Торо с его идеями дезурбанизации, экологизма, анархизма и критики общества потребления стал и поныне остается одной из важнейших исследовательских тем моей работы, кстати сказать, во многом переплетающейся и с чисто социологическими теориями дауншифтинга, социальной экологии и центростремительной мобильности. Еще в 1978 г. мне присвоили звание пожизненного члена Общества Генри Торо, а в 2016 г. наградили премией «Человек года» в области исследований творчества этого философа. За моим, можно сказать, пожизненным интересом к Генри Торо у меня последовал и более широкий охват американского трансцендентализма. Я написал большую интеллектуальную биографию Ральфа Эмерсона (издана в США), книгу «Ранняя американская философия. Пуританизм» (1989).

В 1970–1980-е гг. была работа в журналистике и преподавание в МГУ на философском факультете. Параллельно – заведование отделом в журнале «Коммунист» и тесное, почти ежедневное общение с Р.И. Косолаповым и Ю.Н. Афанасьевым, бесспорно, выдающимися интеллектуалами своего времени. В 1986 г. в МГУ по инициативе В.И. Добренкова и под его руководством стал возникать социологический факультет и на нем кафедра истории и теории социологии. Меня пригласили в докторантуру именно на эту кафедру. Я начал читать для студентов общий курс истории социологии. Это было непросто. Надо было разобраться, в чем специфика именно социологического взгляда на мир, где пролегал этот тонкий водораздел между социальной философией и теоретической социологией.

В 1989 г., выиграв грант Национального гуманитарного центра в Северной Каролине (США), на целый год отправился в один из самых концентрированных анклавов американских социологов – Дюкский университет и Университет Северной Каролины в Чапел-Хилле. Приняли меня там более чем радушно. Живой классик Э. Тирикьян (ученик П. Сорокина) доверил мне читать его курс по истории социологии, когда уезжал в командировки. Тогда же, но уже в Нью-Йорке, я открыл в гостинице телефонный справочник и позвонил Р. Мертону, представился и вечером того же дня сидел в его квартире рядом с Колумбийским университетом. Знакомство с Мертоном, наше многолетнее общение, благоговейное с моей стороны и крайне дружелюбное, заинтересованное внимание с его стороны сыграли решающую роль в моей судьбе¹. По возвращении в Москву на внутреннем подъеме я стал читать своим студентам спецкурс по Мертону. После этого с полной (отчасти самоуверенной) твердостью могу сказать: я знаю, что такое социология, и ничто не

¹ Я подробно описал эту встречу в своем очерке «Ранний вечер на Утренних Холмах, год 1990-й. Предельно субъективные заметки о Роберте Мертоне» (Социологические исследования. 1992. № 6).

способно свернуть меня с пути праведного. Кристальная ясность мертоновского ума, аналитичность и критичность его взгляда на науку социологию, смею надеяться, вошли в поры моего сознания. Беру на себя ответственность утверждать, что Р. Мертон – это социолог номер один XX в. (и это не только мое мнение), а его «Социальная теория и социальная структура» – это Библия социологии. Всегда говорю своим студентам: «Хотите понять, что такое социология, – читайте эту книгу. В итоге вы станете социологом. Но никак иначе». Позднее Мертон рекомендовал меня своему ученику П. Штомпке, а тот подружил меня с Дж. Александером. Возникли и продолжают дружбу и сотрудничество с другим последователем Мертона – немецким социологом Н. Штером.

1990-е гг. для меня – это преподавание теоретической социологии в МГУ и МГИМО, с 1999 г. и поныне – заведование кафедрой общей социологии в НИУ ВШЭ. Постоянные командировки в американские и европейские университеты, Фулбрайтровский профессор в Университете Индианы (2004), стажировки, участие в работе Международной социологической ассоциации и, как результат, достаточно близкое знакомство практически со всеми современными классиками социологии. Постепенно возник круг тех, кто меня поддерживал и направлял в российской социологии, – А.Г. Здравомыслов, О.И. Шкаратан, Л.М. Дробижева, Т.И. Заславская, В.А. Ядов, И.С. Кон, Ю.А. Замошкин, Н.И. Лапин, Ж.Т. Тощенко. Все это судьба, это счастье. Именно так я вижу и понимаю прошлое.

С.Д.: Как вы стали активным членом Международной социологической ассоциации (МСА)?

Н.П.: В 1992 г. Т.И. Заславская пригласила к неформальному обсуждению в узком кругу проекта ее выступления для очередного заседания программного комитета МСА, головной всемирной организации социологов, куда она входила. В итоге она сказала: «Вам обязательно надо серьезно присмотреться к МСА и принять участие в ее работе». Очередной конгресс планировался в 1994 г. в Билефельде. Подчиняясь какому-то внутреннему голосу, я подготовил несколько провокационное выступление. Вполне искренне я писал об ограниченности перестройки в России, ее половинчатости и незавершенности с точки зрения изменений социальной структуры. Общий пафос выступления был с очевидностью антифукуямовским, имея в виду эпохальную статью Ф. Фукуямы «Конец истории». У себя дома, в России, я как социолог видел многочисленные волчьи ямы и тупики путей постсоветского развития.

Конгресс оказался своего рода съездом победителей – первым всемирным обобщающим форумом социологов, провозгласивших «смерть истории» (распад мирового коммунизма), «теорию глобализации», «постмодерн» и т.д. Все участники были на подъеме, постоянно чуть ли не обнимались друг с другом, повсюду улыбки, речи, здравницы, тосты. Разрушился на глазах их прежний мир и стал возникать новый. Есть причина, от чего социологам впасть в состояние эйфории. Набравшись смелости, я выступил на большую аудиторию с утверждениями, наполненными тревогой, озабоченностью, предчувствиями не лучшей функциональной перспективы для всех нас, включая грядущие конфликты и терроризм. Налицо явная противофаза траекторий и даже легкая провокация с моей стороны, стимулировавшая диссонанс. Руководил заседанием Р. Робертсон, автор ныне известной теории глокализации, претендовавшей тогда на новую доминирующую парадигму в теоретической социологии. Прослушав несколько абзацев моего достаточно эпатажного выступления, он с переполнявшим его возмущением покинул председательское место и, хлопнув дверью, вышел из зала. Как я понимаю, от меня ожидали совсем другого, а именно – покаяния «советского» социолога и духоподъемных текстов по поводу новых светлых перспектив. Когда я завершил выступление, Робертсон моментально вернулся на свое место. Это был своего рода социологический театр.

На следующем Всемирном социологическом конгрессе в Монреале П. Штомпка пригласил меня войти на четыре года в программный комитет МСА, который он сам возглавил. В дальнейшем, на конгрессах в Дурбане и Гётеборге, меня на восемь лет избирали в число 16 постоянных членов Исполкома МСА, где я отвечал и за молодежную политику,

и за определенные сегменты программы всемирных конгрессов, и «за Россию» вообще. Это повлекло за собой немалый объем организационной работы в международном поле нашей профессии, тонны переписки, серию свершившихся и не свершившихся интереснейших глобальных проектов и много всего другого. Однако, конечно, самым запоминающимся для себя считаю встречи, длительное общение, сотрудничество с великими социологами, включая И. Валлерстайна, П. Штомпку, М. Вивьерку, А. Мартинелли, Дж. Александера, Дж. Рицера, Дж. Урри. В этой связи упомяну и М. Буравого, с которым, правда, мы всегда стояли и поныне стоим на противоположных идейных позициях. Но это не отменяет самого факта сотрудничества. Мне посчастливилось познакомиться, пусть очень кратко, с Э. Гидденсом, У. Бемом, приезжавшими в Москву. До сих пор в моей памяти остается встреча с З. Бауманом в РГГУ и Институте социологии РАН. Все эти события, я это ясно вижу теперь, содержали в себе какой-то потаенный смысл и создавали своего рода точки опоры в моей «личной социологии», если так можно выразиться.

С.Д.: Какова, на ваш взгляд, внутренняя динамика, эволюция этой организации?

Н.П.: За последние годы МСА довольно заметно ушла в сторону от традиционных социологических тем и сюжетов. На трибунах конгрессов почти перестали появляться ведущие мировые социологи экстра-класса, академическая наполненность конгрессов резко пошла вниз. На передний план вышли социологические активисты всех видов, трактующие социологию по преимуществу не как исследовательскую науку, а как борьбу против «глобального Севера», за права меньшинств, как выступление против неоколониализма, несправедливости и пр. Слов нет, это важные темы, но далеко не единственные и вполне однопорядковые в ряду многих других. Но главный акцент в социологии был перенесен именно на них и погружен в риторику борьбы и протеста, а фундаментальная научная социология со своими представлениями о сущем и должном незаметно отошла на второй план. Сегодня создается устойчивое впечатление, что международная социология не только в странах третьего мира (это происходит как бы само собой и по умолчанию), но и в ведущих социологических центрах «глобального Севера» неуклонно эволюционирует в направлении социального полуполитического движения light. Невольно возникают аналогии с движением BLM, которое, начиная с 2020 г., стало у всех на слуху. Порой кажется, все это, в общем и целом, сообщающиеся сосуды, это что-то очень близкое по духу и смыслу.

Против этой тенденции в начале 2010-х гг. решительно выступил Штомпка, и я его поддержал в своей статье «Больной отказался от госпитализации»². Да, разумеется, у меня есть свои политические взгляды и предпочтения, которые я готов отстаивать и прежде отстаивал в любой форме, но я решительно отделяю их от моих научных исследований. Мне кажется, политизированная активистская социология никаких особых теорий не демонстрирует, и они не предвидятся. Рано или поздно все сводится в ней к парафразам из К. Маркса плюс призывам к борьбе за правое дело. Такая социология на баррикадах, честно говоря, меня совсем не впечатляет. Под этим углом зрения и была написана моя статья, посвященная последнему социологическому конгрессу в Торонто (2018 г.)³.

С.Д.: Как международный опыт повлиял на вашу работу в НИУ ВШЭ?

Н.П.: Параллельно с моей работой в МСА и отчасти в связи с ней наша магистерская программа в НИУ ВШЭ «Социология публичной сферы и социальных коммуникаций», которую я инициировал и возглавлял, с 2008 г. стала наполняться онлайн-курсами и мастер-классами, связывавшими нас со всем миром. Нам хотелось построить и опробовать модель социологического просвещения и превращения социологии в действующий фактор формирования общественного сознания. На нашей магистерской программе стали преподавать

² Pokrovsky N. 'Patient Denied Hospitalization' or 'In Defence of Sociology' // Global Dialogue. 2011. Vol. 2. Iss. 2.

³ Покровский Н.Е. Левый марш международной социологии на фоне Ниагарского водопада // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 9–15.

видные журналисты – Л. Млечин, М. Таратута, С. Сорокина. По телемостам в режиме реального времени у нас выступали крупнейшие социологи – Дж. Александер, М. Буравой, Дж. Рицер, Дж. Урри, Х. Роза, П. Штомпка, Д. Смит, Я. Валсинер. Для участников этих телемостов реально и ощутимо распаивался глобальный мир социологии здесь и сейчас. Это чувство ни с чем нельзя сравнить. Я бы назвал его «дыханием международной социологии». Телемосты были записаны нами, расшифрованы и опубликованы. В преподавании совместных курсов по Интернету они объединяли нас и с коллегами в Байкальском университете в Иркутске, в Саратовском техническом университете (Т.И. Черняева), на социологическом факультете СПбГУ (В.И. Ильин и Д.В. Иванов). В те годы этого еще не делали. Мы были первыми. Сейчас можно сказать, что это была глобализация на практике, в жизни, а не на словах в виде неких заклинаний.

Двадцатилетний срок существования нашей кафедры общей социологии НИУ ВШЭ в нынешнем формате – огромная дистанция. Инициатива моего приглашения в Вышку целиком принадлежала О.И. Шкартану. До темна мы, включая и моего замечательного коллегу профессора А.А. Овсянникова, засиживались в кабинете Овсея Ирмовича, планируя учебные курсы и будущие программы по общей социологии в ВШЭ. К моменту моего прихода кафедра уже существовала два года. Я заступил на место Л.Г. Ионина, ушедшего на повышение. Все ключевые вопросы развития факультета и кафедры обсуждались при непосредственном участии Я.И. Кузьмина. Это были годы творческих экспериментов в преподавании, поиски решений сложных образовательных дилемм, летних конференций в Костромской области, выступлений ведущих российских и зарубежных социологических светил. За эти годы возник коллектив совершенно самостоятельных специалистов различных возрастов и научных треков, но специалистов, умеющих слушать и понимать друг друга. Без преувеличения могу сказать, что я учусь преподавательским нововведениям у своих молодых коллег и испытываю от этой преемственности большое внутреннее удовлетворение. Не могу не отдать должное моим коллегам, в разные годы заместителям заведующего кафедрой, выполнявшим огромный объем организационной работы, моим советчикам по всем вопросам, профессорам Т.Ю. Сидориной, Г.И. Иванченко (1965–2009) и О.А. Симоновой, заму по магистерской программе Е.Р. Ярской-Смирновой. Сегодня кафедра растет и в своем научном потенциале, она превратилась в целый консорциум научных направлений. За каждым из них в НИУ ВШЭ стоят свои лаборатории, исследовательские группы и научные гранты. И тем не менее центро-стремительный вектор коллектива не ослабевает.

С.Д.: За вашими плечами без малого 50 лет преподавания. Что изменилось за этот немалый срок в мире высшего образования?

Н.П.: Да почти все изменилось, если быть откровенным. По внешности многое вроде бы еще хранит черты традиционности – здания, аудитории, библиотеки, звания-должности, названия подразделений и пр., по существу же, в социологическом смысле это другая система. Из советского вуза, ковавшего рабоче-крестьянскую, трудовую интеллигенцию, мы попали в вуз, в общем и целом сориентированный на экономическое выживание и самоукрепление. Вплоть до первых лет 2000-х гг. казалось, что институт высшего образования словно законсервировался в своем бытии, не затронут коммерциализацией в своем ценностном ядре, вообще останется неизменным, застывшим в пространстве и времени.

В те годы я принял от В.А. Ядова руководство экспертным советом НФПК по социологии. Бесконечные экспертизы конкурсных проектов, новых учебных программ по всем разделам социологии, учебников, хрестоматий, заявок на конференции, командировок. Работа была интересная, позволявшая быть в самом-самом центре возникновения новых форм преподавания. В 2004 г. мы целой делегацией поехали в США для ознакомления с передовым опытом трансформации университетов. Каждодневные изнурительные беседы и дискуссии шли на самом высоком уровне университетов. Шаг за шагом складывалась любопытная картина, которую прежде я не до конца осознавал. Менеджеры высшего университетского звена вежливо, но без экивоков рисовали перед нами картину того,

«как надо» строить университет. Нам делали инъекции лошадиных доз менеджериализма. Если кратко, резюмируя по пунктам, говорилось следующее. Университет (неважно какой) – это прежде всего экономическое «тело». Университет должен экономически выживать и, по возможности, финансово расти, а также управляться финансовыми инструментами. Каждое подразделение садится на свой отдельный бюджет – не выживет – это его проблемы, расформируем и сольем с другим подразделением – и это в лучшем случае. Это первое и главное. Далее. Показатели роста такие: эндаумент (накопленный капитал), число студентов, радость родителей, восторг работодателей. Запомните, преподавание – это образовательная услуга, а не служение. А профессура, что с ней? Это ее проблемы, как вписаться в эту схему. За порогом университетов стоят многочисленные безработные носители степеней Ph.D., которые готовы работать на любых условиях. Они тут же заменяют выпавших и несогласных.

Внутри университета все управляется высшей рациональностью менеджериальных показателей – число записавшихся на курс студентов, их отзывы о профессоре, количество публикаций (*"publish or perish"*), объем привлеченных извне средств в университет на исследования (гранты), профессиональные премии высокого уровня, повсеместное внедрение многочисленных технических средств обучения (цифровизации тогда не было и в помине), еще какие-то мелочи и... но, пожалуй, в основном так. Правда, в отдельных случаях допускалось создание точечных экзотических «оранжерей» эксклюзивного знания, сформированных вокруг лауреатов Нобелевской премии и им подобных. Но в целом университеты перепрофилировались на конвейерную сборку компетенций, в которой решающую роль начинают играть формализованные показатели эффективности. По большому счету, университеты, быть может, точно перенимали дух и букву устройства корпоративного бизнеса. Весь этот комплекс новых впечатлений и идей складывался в некую картину смены эпох в университетском образовании – уход с исторической сцены гумбольдтовского университета, просветительского «храма знаний», генерировавшего культурный слой общества, да и интеллигенцию, как ее ни называй, и прихода на его место совершенно иной системы университетского образования с новыми участниками процесса, новыми ценностями и профессиональными ориентирами. Притом этот переход «от» «к» носил характер тотальности.

По возвращении в Москву я обобщил свои впечатления, проанализировав компоненты этой новой модели⁴. Я сказал это тогда и готов повторить сегодня. Университеты, в том числе российские, перестали воспроизводить интеллигенцию как таковую. Они о чем-то другом. Повестка дня и философия интеллигенции растворились в небытии сами собой. Эта колоссальная потеря еще не полностью осознана обществом.

С.Д.: Ваше имя нередко связывают с концепцией «смерти интеллигенции». Как понимаю, это было связано и с вашими впечатлениями от работы университетов.

Н.П.: Это произошло раньше, еще в 1990-е гг. Я глубоко переживал тот ущерб, который был нанесен всей культуре интеллигенции. Как-то очень быстро представители «умных» профессий потеряли авторитет в глазах общества и в своих собственных глазах, часто превращаясь в обслуживающий персонал или же просителей с протянутой рукой. Сами понятия «ученый», «профессор» и даже «академик» в общественном мнении обесценивались. По инерции еще имел хождение термин «интеллигенция», но для меня он все больше и больше терял социологический смысл. Социальная группа, выросшая из духовной жизни российского XIX в. и прошедшая испытания XX в., вдруг словно растворялась, мимикрировала, потеряла свой набор ценностей. Так мне все это виделось и видится сейчас. Нет казачества (по существу), нет дворянства, теперь вот и интеллигенция канула в бездну истории. Это процесс, это тренд. И надо это осознать без прикрас и умолчаний.

⁴Покровский Н.Е. Побочный продукт глобализации: университеты перед лицом радикальных изменений // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 148–154.

С.Д.: Вы создали уникальный Угорский проект. Расскажите о его сути, результатах, перспективе развития.

Н.П.: Как это часто бывает, даже в самом серьезном деле переплетаются личные и общественные мотивы. В 1996 г. я успешно защитил в МГУ докторскую диссертацию (тема: «Одиночество и anomia. Философские и теоретико-социологические аспекты»). Все в жизни складывалось, в целом, удачно, но я пребывал в раздумчивом состоянии. И раздумья мои носили отнюдь не научный характер. Вначале тема одиночества привлекала меня в основном теоретически, как философский конструкт в традициях С. Кьеркегора, экзистенциалистов, А. Камю, М. Унамуно. При этом в своей диссертации я старался провести демаркационную линию между состоянием одиночества (бесспорно, травматического и болезненного – в духе экзистенциалистов) и уединенностью (стремлением избавиться от лишних контактов, городской суеты и погрузиться в творчество – Г. Торо). Но к моменту завершения диссертации мои взгляды претерпели изменения. Дилемма «одиночество – уединенность» перешла из области теории в социальную среду и стала приобретать в чем-то личностную окраску.

В середине 1990-х гг. я особенно явственно почувствовал некую глубокую неудовлетворенность своей жизнью в городе. Я – коренной москвич, родившийся в доме на Тверской (тогда улице Горького), между площадью Пушкина и Маяковкой. Потом в моей жизни на долгие годы воцарился Кутузовский проспект. Мои ближайшие родственники все москвичи. Иными словами, трудно представить себе человека, более пронизанного духом столицы. Но в 1990-е гг. я все более и более стал чувствовать себя инородцем в собственном городе. Я не узнавал улиц и переулков. И дело было не в неизбежных внешних изменениях, а в смене самой смысловой ситуации моего восприятия городской среды. Я реально почувствовал себя «чужаком» в переулках своего прошлого. Эта чуждость постепенно разрасталась и перенеслась на весь город в целом. Я попытался сопоставить мое отторжение от Москвы со своим восприятием Нью-Йорка, Лондона, Парижа, Токио и всех других знаковых мегаполисов, которые к тому времени неплохо изучил. Но и там этот синдром чужака рано или поздно овладевал мною.

Постепенно родилась мысль найти точку опоры вне Москвы, вне города. Подмосковно-дачный вариант был отменен с порога. Требовался радикальный пространственный отрыв от Москвы, дистанцирование, уход в инобытие города без потери своей профессии, разумеется. С помощью знакомых и сарафанного радио я обследовал Вологодскую область вокруг Тотьмы, другие места. Но каждый раз что-то не клеивалось. Однажды знакомые пригласили меня к себе на «дачу» в деревню Медведево на реке Унже в Костромской области в шестиестах километрах от Москвы. Помню, как я бодро шагал по проселку от автобусной остановки к искомой деревне. Дорога проходила по высоченному берегу Унжи, почти под самым небом с широчайшими горизонтами вокруг. Мой путь шел мимо остатков парка и усадьбы «Отрада», принадлежавшей Н.Д. Апухтиной (прообраз Татьяны Лариной из пушкинского «Евгения Онегина») и ее мужу М.А. Фонвизину, полному генералу, герою Войны 1812 года и видному декабристу. Все это вместе – ландшафт и история – как-то разом воодушевили и вошли внутрь. Приблизившись к деревне и еще даже не видя дома, я принял решение: «Здесь я остаюсь». Так оно и вышло. Огромный рубленый дом, настоящая сельская изба-корабль с непомерным по величине хозяйственным двором и немалым наделом земли, пустовавшие без хозяев уже два года, быстро перешли в мои руки за «огромную» сумму в 14 тысяч рублей.

Начался мой «университет сельской жизни». Вскоре я осознал простую истину: жизнь и работа на земле требуют очень серьезных знаний и умений, отчасти генетически усваиваемых, а также и определенного склада ума. Это труд, забирающий все силы человека почти без остатка. Для горожанина все это загадочно и непросто, и не надо тешить себя утопическими мечтаниями о благостном и пасторальном времяпрепровождении на родной ниве. После приведения дома и всего хозяйства в порядок встал вопрос, что со всем

этим делать дальше и чем заниматься в перспективе. Постепенно стала вызревать концепция научного исследования, а именно изучения и социологического отслеживания проникновения моих излюбленных глобализационных процессов в эти удаленные от мира и забытые богом уголки сельской архаики. Ведь глобализация обладает свойством и силой инфильтрации, просачивания во все клетки общества. Этот вариант теории получил в моем исполнении наименование «клеточной глобализации». Для меня встал вопрос: где же она тут, эта глобализация, в умирающих деревнях Костромской области в 600 километрах от Москвы на границе бескрайних таежных массивов? Есть ли тут глобализация вообще, где ее признаки (индикаторы)?

Со временем ко мне стали приезжать друзья и коллеги. Ведь это было так необычно, экзотично по тем временам. Эпопею запуска «Угорского проекта» – так потом мы стали называть свою исследовательскую программу по имени близлежащего села Угоры («У-горы») – открыли экономисты из МГУ Сергей и Алла Бобылевы, социолог-крестьяновед Валерий Виноградский из Саратова, психолог из МГУ Виктор Петренко, кинооператор Владимир Иванов. Чуть позднее к нам присоединились замечательные социальные географы Татьяна Нефедова и Андрей Трейвиш из ИГ РАН, из ВШЭ демограф Михаил Денисенко и экономист/географ Сергей Смирнов, социологи из СПбГУ Владимир Ильин и Владимир Козловский, культуролог из МГУ Ольга Зиновьева, социобиолог из ИПЭЭ РАН Леонид Баскин, социолог из ИС РАН Валентина Шилова, социолог и экономический антрополог Ульяна Николаева. Вот уж действительно междисциплинарность в чистом виде, не по принуждению, а по зову сердца. В шутку я называл своих коллег «профессорским взводом» или «профессорским десантом». Вокруг сельская архаика, полный разор, а в одной взятой точке этого пространства бьется пульс передовой научной мысли.

В нашем проекте первые годы мы разбирались с тем, что происходило с сельскими общинами, с деревнями, расположенными вокруг нас. Вскоре, однако, стало ясно: идет почти обвальный процесс депопуляции, опустынивания, затухания хозяйственной деятельности, умирания поселений, местные жители за редким исключением находились в состоянии хронической депрессии. И только клинья клеточной глобализации в виде инфокоммуникаций (сотовая связь, Интернет, спутниковое телевидение), рынков потребительских товаров, а также центростремительной миграции («сдвинуться с места и бежать, куда глаза глядят, но главное подальше от деревни») пронзали эту картину всеобщего угасания.

Но на пятый-шестой год работы проекта неожиданно обнаружил себя совсем иной поворот темы. Деревни всего района по течению Унжи на наших глазах начали медленно, но неуклонно заселяться столичными дачниками, пошли в рост цены на сельские дома, в определенных локациях стали возникать новые дома и даже небольшие поселенческие протокластеры горожан. У нас начали формироваться различные гипотезы. В целом они вращались вокруг понятий «обратная миграция», «жидкостная миграция» (вариация на тему «текучей современности» З. Баумана), «центробежная миграция», «дезурбанизация», «контрурбанизация», «жизнь после города» и пр. В перспективе замаячила тема, связанная с выходом мегаполиса за свои границы и «выплескиванием» его во внегородские пространства. При этом новая модель подразумевала не конфронтационное отрицание современного города как такового, а именно продолжение мегаполиса в виде его передовых технологий и его культуры в новой внегородской ситуации с ее очевидными преимуществами экологичности, разреженности населения, свободы самовыражения и самореализации.

Постепенно гипотезы переросли в модели, которые уже стали накладываться на полевые исследования в Костромской и Вологодской областях. Были опубликованы около сотни статей, коллективная монография «Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения» (2014), научно-популярная книга «Ойкумента Ближнего Севера» (2015), десятки сборников. Члены проекта вошли в комиссии и экспертные советы при Минсельхозе и других авторитетных учреждениях, выступают на телевидении, в прессе. К инициаторам Угорского проекта стал присоединяться более широкий круг исследователей из

Москвы, Санкт-Петербурга, отчасти Костромы. Угорский проект наполнился молодежью – студентами, магистрами, аспирантами НИУ ВШЭ, МГУ, СПбГУ.

Каждый год, начиная с 2004-го, мы стали проводить международные конференции «на сеновалах» (кстати, оборудованных по последнему слову конференц-техники с онлайн-соединениями со всем миром), собиравшие до ста и более участников. Иными словами, проект стал увеличиваться и обрывать своей инфраструктурой. На нас стали обращать внимание и местные власти. Одну из конференций посетил губернатор Костромы С.К. Ситников, сделав интересный доклад и внимательно выслушав наши.

Наконец мы замахнулись на амбициозный пилотный проект – «Сельский университет на Унже». Составили программу, пригласили именитых коллег из Москвы и из-за рубежа (Дж. Тсобаноглу из Греции, В. Завилски из Канады). Нам виделось, что современный университет должен и может разорвать рутину своей городской повседневности и привязки к мегаполису, что в итоге должно привести к какому-то совершенно новому качеству учебного процесса и создать благотворную атмосферу в коллективах. Внегородские пространства удивительно трансформируют сознание человека и устремляют мысли к «высшим законам» (Г. Торо). В офлайн-программу лекций и коллоквиумов мы включали и онлайн-соединения с коллегами-профессорами, тем самым создавая единое образовательное поле. То есть в едином комплексе объединялись и исследования международного уровня, и экспедиции, и учебный процесс.

С.Д.: А что сегодня происходит в Угорском проекте? Как он развивается?

Н.П.: Угорский проект продолжается. Он поднял на-гора концепцию удаленного внегородского поселенческого и университетского кластера с коридором выхода из мегаполиса. В общих чертах обрисован научно-рекреационный и экологический кластер по течению реки Унжи. Задача ныне состоит в том, чтобы убедить сферы, принимающие решения, в необходимости и насущности его реализации. Проект подразумевает и создание нового атласа территорий России (хотя бы одной территории) с обозначением других потенциально перспективных поселенческих кластеров, отвечающих строгим требованиям дезурбанизационной постиндустриальной матрицы. Планируются новые комплексные экспедиции, новые исследования и обоснования. Мое давнишнее разочарование в Москве и городе как таковом естественным образом трансформировалось в позитивную программу поиска альтернатив городу при сохранении всего лучшего, взятого из города, и при возможном «обнулении» его недостатков (если не сказать его пороков). В нашей программе соединилось многое – это и экологическая философия Г. Торо с его концепцией уединения и замедления жизни, и жесткая теория мертоновского функционализма, и теория клеточной глобализации, и «текущая современность» З. Баумана, и социальное проектирование поселенческих кластеров. Хочется верить, что все это в совокупности создает единый континуум идей и практик.

С.Д.: Вы много лет возглавляете Сообщество профессиональных социологов. Какие результаты его работы вы считаете наиболее важными? Каковы перспективы?

Н.П.: На развалинах Советской социологической ассоциации в бурные перестроечные годы родилось несколько социологических объединений, в том числе и Профессиональная социологическая ассоциация. В самом конце 1999 г. А.Г. Здравомыслов, почти по-отечески опекавший меня и возглавлявший к тому времени Профессиональную социологическую ассоциацию, завел со мной разговор о передаче мне президентства в этой организации. Тут подоспело требование Минюста перерегистрировать ассоциацию и ее переучредить. Программа и устав с небольшими изменениями сохранились в прежнем виде. Но название она получила новое – Сообщество профессиональных социологов. Я не открою большого секрета, если скажу, что СоГСо (такой стала неформальная аббревиатура) представляло собой среду обитания знаменитых социологов-шестидесятников, стоявших у истоков возрождения социологии в Советском Союзе и в России, – Т.И. Заславская, Ю.И. Левада, А.Г. Здравомыслов, О.И. Шкаратан, Б.А. Грушин, И.С. Кон, Н.И. Лапин, В.А. Ядов и другие.

Из полулегитимного статуса в позднем СССР наши отечественные носители социологического этоса сразу же шагнули на просторы перестройки и расцвели под лучами всеобщей любви и востребованности, притом на самом высоком уровне государственной иерархии. Социологию, и особенно социологию в их исполнении, полюбили все, и, я бы сказал, более чем заслуженно. И вот СоПСо превратилось в формально/неформальный клуб работавших в самых различных институциях социологов-шестидесятников. Здесь все понимали друг друга с полуслова. Наши классики могли чувствовать себя среди своих, молодые социологи учились у них, перенимая не только конкретные знания, но, прежде всего, коды «расколдовывания» (Вебер) окружающего мира научными и только научными методами, высоконравственное отношение к науке социологии и крайне требовательное отношение к себе.

Но не стоит думать, что жизнь вокруг СоПСо была столь благодатной. Время от времени на поле российской социологии и уже особенно в 2000-е гг. стали проявляться явные признаки ее огосударствления, попытки поставить социологию в некое подчиненное и страдательное положение по отношению к требованиям политических институтов и погрузить ее в среду социальных мифов и «целесообразностей». И здесь СоПСо в полном составе и с классиками-шестидесятниками во главе, используя весь их авторитет, противостояло этим тенденциям. Я абсолютно недвусмысленно признаю шестидесятичские корни СоПСо и горжусь тем, что так или иначе наша организация сегодня продолжает их дело в той мере, в какой это возможно. Быть наследником шестидесятников – это и честь, и ответственность, и жизненная позиция. Позиция видеть в социологии науку, обращенную к реальному миру, быть в каком-то смысле продолжателем дела Мертонса, если не буквально, то по сути. А вопрос о старомодности и «модерновости» в современной социологии представляется мне крайне сомнительным по самой своей постановке.

Не будем скрывать, многое изменилось в современном восприятии наследия 1960-х в российской социологии наших дней. «Позитивизм» превратился для многих молодых чуть ли не в клеймо позора. Теперь все принимается, кроме пресловутого «позитивизма». Помню, как в начале 2000-х на маргиналиях московской и петербургской социологической тусовки тускло мерцали слабые угольки постмодернизма. В полголоса произносились имена Бодрийяра, Лиотара, Делёза. Но с особым пиететом звучало имя Фуко. Однако все это были изолированные группки нарочито «продвинутой» социологической молодежи, ни на что не влиявшей и ничего не определявшей, а в основном эзотерически погружавшейся в новомодные философско-культурологические тексты с их «птичьим» языком, порожденным совсем другой, европейской интеллектуальной и культурной средой. Тогда было трудно предположить дальнейшее развитие событий. На повестке дня, в том числе и СоПСо, находилось противостояние мощно окопавшейся в некоторых университетах и исследовательских институтах номенклатурной социологии, слепленной по лекалам Высшей партийной школы из прежней эпохи и жаждавшей новой идеологической модели, спущенной сверху взамен оставленной в советских временах. Но прошли годы, и многое поменялось в ландшафте российской социологии. Переместились на задний план и вовсе скрылись за кулисами академики с генетикой из ВПШ. Новая идеология, которую они так ждали и которую выпестовывали, не случилась, «не проросла». Но зато поле социологии стали захватывать делёзовцы и бодрийяровцы. Они подросли, встали на ноги, окрепли умом и поняли, что их час настает.

Здесь хочу сказать несколько слов о понимании мною и только мною сути того интеллектуального явления, которое обозначается сегодня обобщенным термином «постмодернизм» с его различными вариантами и ответвлениями. Внешне постмодернизм предстает, особенно в глазах неискушенной молодежи, как предельно демократичное и вдохновляющее направление мысли – «деконструирующее» реальность, ломающее привычные способы концептуализации мира, открывающее множественность смыслов и бесконечность интерпретаций применительно к любой ситуации и к любому явлению.

Истоки постмодернизма лежат в философии начала XX в., когда стали активно утверждаться эмпиризм, эпистемологический релятивизм и антитеоретизм. Нео- и постпозитивизм, аналитическая философия, а позже и собственно постструктурализм и «постмодернизм» объявили о радикальном отказе от традиций классической философии научной, классической рациональности, от любых «мета-нарративов» (Ж. Лиотар).

Почему постмодернизм стал так популярен в России? А произошло это, по моему мнению, в основном по внешней причине. Сначала это был протест против советской идеологизированной философии и идеологизированной социологии. Потом ситуация изменилась. Потребовалось отключить общество от всех возможных раздражителей, снять проклятые вопросы родом из Маркса, навевать «сон золотой» всему социуму. Ударили тучные нефтяные годы, и в полную силу до самых до окраин развернулось общество потребления. И в этой связке факторов заявил о себе постмодерн с его полной и нарочитой деконструкцией социального и комфортизацией и уютизацией мира своего Я. Как нельзя кстати оказались отечественные постмодернисты с их уходом в субъективность как высшую инстанцию, конструированием реальности из фракталов абсурда. Все заволочло туманом социальной неопределенности и конечной недосказанности. Кто? Когда? По причине чего? В интересах кого? С какими последствиями? И т.д. На эти вопросы нет ответа, и эти вопросы даже не ставятся. По большому счету, постмодерн создавал на российской почве удивительно благодатную среду обитания для своих сторонников, возникали уютные и комфортные «отдельные квартиры» мысли. Эзотерические группки рефлексировавших молодых интеллектуалов, не воспринимавших другие смысловые языки общения, кроме, скажем, языка Фуко, Делёза, Дерриды. Сформированный язык и канон из 15–20 книг все тех же французских авторов становились фильмами вхождения в замкнутую группу. По этому языку, как птиц в лесу по щебету, постмодернисты сразу отличают своих от чужих. Этим процессом можно было просто залюбоваться – настолько он соответствовал хрестоматийным принципам социологии формирования социальных групп.

«Эстетичность» российского постмодерна естественным образом подразумевала также снятие кардинальных социологических вопросов. Вопросы о социальной структуре, неравенстве, социальных конфликтах и противоречиях, насилии, отчуждении, об экономическом интересе – вслед за ростом авторитета постмодернистов – стали на глазах исчезать уже на уровне студенческих работ. Описательность, измельченность тем и бесстрастная повествовательность превратились в основной модус самовыражения для многих социологов. Надо отметить, что Институт социологии РАН (и в этом большая заслуга в том числе его организационного «ядра» – М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой, М.Ф. Черныша, П.М. Козыревой и других) все эти годы стремился сохранить классическую социологическую традицию в исследовании проблем российского общества. И не боялся быть в этом, так сказать, «несовременным», обнаруживая современность более высокого ранга.

Справедливости ради напомним и то, что в аутентичном варианте французского постмодерна можно встретить немало ярких, почти гениальных метафор, лежащих на нашу и не нашу действительность и словно схватывающих ее противоречия. Все так. Но постмодерн на российской почве как-то неожиданно превратился в стратегию самолюбования, самовозвеличивания, отключения от всего внешнего, кроме внутреннего Я своего носителя, и принципиального отказа от общей теории. И перед СоПСо вновь, пусть и не прямо, возникло нечто, с чем нельзя соглашаться в профессиональной среде. Это отнюдь не повод для навешивания на оппонентов ярлыков, не повод для запретов и цензуры (даже смешно говорить об этом). Но это вопрос профессиональных принципов, в конце концов.

С.Д.: Что вы думаете о ближайших перспективах развития социологии в России и в мире?

Н.П.: Выражу свое весьма субъективное мнение о будущем социологии в стране и мире. Увы, оно представляется мне отнюдь не безоблачным. Упоение социологией со стороны российского общества, столь характерное для 1990-х, прошло. Все чаще и чаще можно слышать даже в, казалось бы, образованных кругах мнение: «Социология? А зачем

она нужна? Знаем мы ее. В ней все сманипулировано». Таковы нередкие шаблоны в общественном мнении и плата за использование социологии как вненаучного инструмента. Откуда это? Почему так? Видимо, дают о себе знать отход от научной картины мира и налет обскурантизма на фоне навязчиво тиражируемой мантры о всеобщей цифровизации, при которой big data заменит социологический интеллект, и профессия «умного» социолога умрет сама собой за ненадобностью, а все будет определяться запуском той или иной компьютерной программы искусственного интеллекта. Научный, технический и цифровой прогресс – это великолепно (и тут не о чем спорить!), но отмена сложного социального анализа (а к этому идет дело), на мой взгляд, свидетельствует о серьезных проблемах в обществе.

Социологическая культура с ее рационализмом, сложностью и научностью, о которой мы мечтали еще совсем недавно, не обрела, к сожалению, должного статуса в обществе. Она по-прежнему составляет удел специалистов, число которых отнюдь не увеличивается. Да и наши студенты-аспиранты далеко не всегда устремляют себя в сферу науки и социологической экспертизы. Их сплошь и рядом манят иные сферы прикладных исследований, не подразумевающих общесоциологического взгляда на мир, а нацеленных на узко обозначенный прикладной результат. Подчас даже возникает тема сохранения наследия социологов-шестидесятников и как такового классического наследия в социологии. Обозначают себя контуры поднимающейся социологии без общетеоретического фундамента, а скользящей по поверхности и отбрасывающей «неудобные» проблемы.

У меня возникает внутренний вопрос: происходящее сегодня в социологии – это эпизодическое отклонение траектории, после которого последует новый подъем, или это нечто совсем иное, некое новое агрегатное состояние науки без берегов и ориентиров? Мне кажется, что в любом случае нет смысла строить иллюзии насчет светлого будущего социологии и провозглашать здравицы. За будущее еще придется побороться и на него предстоит поработать. И, наверное, в этом как раз и могут состоять очередные задачи Сообщества профессиональных социологов.

Мир вокруг нас стремительно и турбулентно меняется. Новейшие технологии, пронизывающие социальное пространство, подчас соседствуют с возвратным движением к архаизации и мифотворчеству, социальные конфликты разгораются в самых непредсказуемых локализациях, пандемия переворачивает социум с ног на голову... Как разобратся без социологии «с человеческим лицом» во всем этом разнообразии трендов и феноменов? Никак. В противном случае придется идти на ощупь, по принципам самолечения, совершая ошибки на каждом шагу. У нас нет такой возможности.

С.Д.: Что значит лично для вас социология?

Н.П.: Позиция социолога-наблюдателя, аналитика, исследователя – будь то дискуссии об интеллигенции или судьбах университетов – дает удивительно ценный, сам по себе, повод проводить реконструкцию «магнитных полей» общества, расклада социальных сил и траекторий формирования тех или иных феноменов. Для меня в этом состоит одна из привлекательнейших и притягательнейших свойств социологии – видеть распределение социальных ролей, игру интересов, большие тренды общественного развития, в перспективе – гамму последствий, позитивных и негативных. Думаю, что социологи в этом отношении обладают уникальной миссией в обществе. За все благодарю социологию. Она раскрывает неповторимую перспективу восприятия общества, делает возможным «взгляд за фасад» всего, что происходит вокруг, включая события большого масштаба и события повседневности. Как мне кажется, в обществе с помощью социологии мы во всем определяем неслучайность, казалось бы, случайного. И мы, социологи, читаем раскрытую книгу общества. Может ли быть большее наслаждение? Для меня – нет.

Беседовала С.Ю. ДЕМИДЕНКО,
н.с., Институт социологии ФНИСЦ РАН

(S.Yu. DEMIDENKO,
Research Fellow, Institute of Sociology FCTAS RAS)

SOCIOLOGY AS A VARIETY OF LIFE EXPERIENCE (Interview with N.E. Pokrovsky)

Abstract. In the form of an interview, the author reveals the methods used by a prominent Russian sociologist to formulate a sociological worldview. The text intertwines biographical motives and constructs the “building” of sociology against the background of historical events of the last 50 years. The narrative focuses primarily on the transition from a historical and philosophical view of the world to a scientific sociological analysis with a special emphasis on an objective scientific approach to social reality. The author examines the emergence and transformation of the globalization theory, the modification of the meaning and content of the institute of higher education, the evolution of the social group of the intelligentsia (e.g., the theory of the “death of the intelligentsia”), the proliferation of globalization processes at the cellular level of Russian society and the formation of new meanings of Russian spaces using the example of the Near North, the impending decline in the potential of megacities and the increasing societal tendencies in favor of de-urbanization. Special attention is paid to the current state and prospects of the evolution of sociology in Russia and in the world.

Keywords: history of American social philosophy, transcendentalism, globalization, institute of higher education, intelligentsia, new meanings of Russia’s spaces, deurbanization, sociology today and prospects for its evolution.